

В ЭТОМ классе учитель не может кивнуть, удивленно поднять бровь, показать на что-то указкой: ученики не увидят. В этом классе нельзя вспылить, повысить голос: тогда они совсем растеряются. В классе четверо, как здесь говорят, тотально слепых, у остальных — острое зрение, дети учатся по вспомогательной программе и проходят за девять лет четыре класса.

На партах — учебники по Брайлю, нет привычной классной доски, но есть стенд с открытками.

— Ведь они же... — говорю я растерянно.

— А внизу у стенда — текст, — объясняет директор школы-интерната для слепых. — Они могут прочесть подписи под открытками.

Прочесть — значит провести пальцами по буквам-дырочкам. В отрядном уголке другого класса нахожу особый род стихотворного творчества, внедренный в школу взрослыми деятелями пионерской организации, — речевки.

«Мы — пилоты. Всем на вылет. Будет время, будут крылья. Мы хотим подняться в небо, ввысь стремится наш отряд». Вот эти бедные дети, у которых болезнь, вина или беда родителей отняли краски мира, и должны хором выкрикивать эту лихую бессмыслицу? Пытаюсь понять, для кого в школе вывешены типографские плакаты «Города-герои», для чего в классе, который официально называется «незрячие», висит стенд с фотографиями? Для чего в этой школе на стенках учительская каллиграфия — «Реформа — это мы»? Для чего здесь эта наглядная агитация?

— Для эстетики, наверное, — говорит воспитательница.

— Зачем речевки?! А как же! — старшая пионервожатая искренне не понимает, о чем я спрашиваю. — По пионерским уголкам три года тому назад мы заняли первое место в городе.

Директор, милый, добрый человек, у которого за плечами не только педагогический стаж, но и опыт работы в партийном аппарате, вздохнув, признается: — Для проверяющих.

Школа-интернат для слепых — особая школа со своей судьбой, живет по общим наработанным законам, требованиям и традициям. Школа для слепых слепо копирует жизнь обычной школы — стереотип, доведенный до абсурда.

Незрячие увидеть пионерские уголки, признанные лучшими в районном центре, не могут. А зрячие? Видят ли учащиеся обычной школы заголовки стендов, висящих в коридорах типовых школьных зданий: «Стратегический курс КПСС — ускорение со-

циально-экономического развития страны», «Стартует XII пятилетка»? Кто читает текст, который благодаря шефской помощи художник вывел под этими заголовками: «В качестве, как в зеркале, отражается и подлинный уровень активности человеческого фактора, и эффективность его воздействия на производство»?

В восьмом классе обычной массовой школы мне показывают рефераты учащихся: «Человеческий фактор — главный рычаг перестройки», «О современной

хватить и развить начальственное слово. Конечно, не думаю, чтобы все учителя по своей инициативе бросились бы выдавать ординарное за исключительное. Этого требовали проверяющие, составляющие программы, утверждающие планы воспитательных мероприятий.

Книжечки эти теперь канули в небытие, и их с той же быстротой из программ изъяли. А вот от практики единых указаний, единых мероприятий для всех школьников страны отойти оказалось совсем непросто.

Школа: сегодня и завтра

Брускова А. Е.

«СТЕНДОВАЯ» ПЕДАГОГИКА

аграрной политике партии». А в них читаю такие вот слова: «В широкой борьбе с пьянством и алкоголизмом ощущается здоровая нравственная основа социалистического общества», «В самое ближайшее время страна достигнет небывалого расцвета...»

СТЕНДЫ в школьных коридорах с выдержками из официальных документов, сочинения, рефераты, доклады школьников на темы, полностью исключающие собственный взгляд, свое отношение к вещам, о которых дети пишут! Мы уже поняли, как опасно единообразие в сфере духовной, к каким чудовищным ошибкам приводит стремление заставить всех думать одинаково. Мы теперь говорим о мышлении, применяя к нему прилагательные, раньше вроде бы из русского языка исчезавшие, — вариантное, диалогическое. Мы говорим: новое мышление. Но где же учиться новому мышлению? Какова в этом роль сегодняшней школы?

Давно известная истина: школа и общество взаимосвязаны. Все боли, беды, трагедии нашего времени так или иначе влияли на школу. Но и она влияла на нас, на нашу жизнь. Не успели выйти биографические книжки Л. И. Брежнева, их уже вставляли в школьную программу со всеми превосходными эпитетами... О чем мы думали тогда? Сама была на съезде учителей и со стыдом и болью слушала выступления о том, что наконец-то советская школа получила произведение, «на которых мы будем учить...» Как это ни прискорбно, во все тяжелые времена у нас не было недостатка в людях, готовых под-

хватить и развить знакомый московский директор и просил выступить перед учащимися, рассказать «что-то антифашистское». Но только в понедельник 8 февраля и только в 8 часов 30 минут.

— Не раньше и не позже? — спрашиваю я.

— Первый урок первого понедельника февраля, — серьезно отвечает директор.

Объясняю для непосвященных. Именно в этот день по Москве проводится «час интернационального воспитания». Готовы — не готовы, найдут ли нужные слова или опять в ход пойдут затертые фразы — а надо провести именно в этот час — и все тут.

Помню, как несколько лет тому назад в том же феврале в школе, известной теперь по имени директора как школа Каравовского, этот час, пытаюсь избежать шаблона и, следовательно, неискренности, превратили в интернациональную неделю. Каждый класс выбрал себе страну и посвятил ей театральное-политическое действо. Вся школа репетировала, подбирала музыку, учила стихи, разыскивала в библиотеках старые подшивки. Десятый волновался: соседний класс нашел интербригадовца! И вечер помню. Песни интербригадцев ребята так пели, что в горле комок стоял.

А потом пришла проверяющая, и был тягостный диалог зрячего со слепым. Или вернее с глухим. Каравовский о вечере, а она не слышит и требует только одного: признания, что школа не провела «урок интернационального воспитания». С тем и ушла.

Но это когда было! Сейчас

другое время на дворе, другие чаяния, надежды. А мы все по той же инерции: урок мира, месячник военно-патриотической работы, день политинформаций. Те же стенгазеты, речевки, девизы, пионерские уголки и торжественные линейки. Можно ли в старые формы втиснуть новое содержание? Войдет ли в сознание ребят это новое, если так равнодушно, так бездумно пользуемся мы безнадежно устаревшим?

Когда к какому-либо юбилею школы призывают представить

сочинения на конкурс, никто не спрашивает, что смогут ребята написать на эту тему, думали ли они над ней. Но — представляют, потому что участие в конкурсе принесет очки школе в соревновании. И какой директор не потребует сочинений от учителя? А учитель от ученика?

СЕГОДНЯ, когда высокими партийными решениями вносятся глубокие изменения в организацию всей жизни нашей школы, мы еще и еще раз задаем вопрос, какого человека должна выпускать школа, а не только чему и как его учить. Но разве школа не старалась воспитывать добрых, искренних, честных, трудолюбивых и т. п.? Старалась. И в то же время школа, бывало, по своей и не по своей воле воспитывала послушных, прилежных не сомневаться, а принимать на веру, не спорить, а соглашаться, думать одно, а говорить другое. Искренность часто оставалась невостребованной.

А теперь наши планы, наши задачи не выполнишь, если не придут люди самостоятельно и независимо мыслящие, имеющие свою позицию и не боящиеся ее отстаивать. Скольких бед, трагедий мы смогли бы избежать, если бы таких людей всегда было в достатке! Но теперь-то, когда мы знаем, чего нам стоило авторитарное руководство и авторитарное воспитание, мы в первую очередь должны заботиться о демократизации школы. А для этого у школы должно быть право выбора, право отказа от «стендового» воспитания, от неуместных в детском учреждении лозунгов, плакатов, от фор-

мальных мероприятий, от кампаний — право выбора своих направлений и тем для обсуждения, форм организации школьного коллектива. А пока что даже самоуправление учащихся организовывалось в приказном порядке. И никто не спрашивал у ребят, каким они его мыслят, готовы ли к самоуправлению, будет ли оно эффективным.

Недавно заместителя начальника воспитательно-трудовой колонии: «Сейчас появились надежды на изменение положения. Впервые за многие годы спросили наше мнение. Мы послали свои предложения по гуманизации и демократизации жизни колоний, и большинство их приняли». Наверное, на официальных и неофициальных больших педсоветах, которые проходят у нас в стране, надо начинать с того же: с предложений о гуманизации и демократизации жизни школы. Здесь конечно же, не только в методиках дело, а в нестандартном, творческом, многовариантном подходе к самой жизни в школе. Творчество или унылое однообразие, заданность или своя программа — вот где сегодня проходит школьный водораздел.

Мне могут сказать, что творческие учителя, лучшие директора любое указание сверху, любую готовую разработку способны наполнить живой мыслью, идеей, фантазией. Да, действительно, есть яркие, неповторимые учителя, директора, коллективы, но тем более ценны и интересны их собственные идеи.

А если указания поступают к обычным, рядовым директорам, которые ослушаться не могут? Сказано — сделано. Кому не ясно, что пустые слова по высоким поводам приводят к результатам, прямо противоположным задуманному.

Мы в нашей взрослой нешкольной жизни мучительно медленно отказываемся от стереотипов, от внешних атрибутов общественной жизни, которые не могут не влиять и на ее течение. Мы связаны путями традиций, привычек. Огромные президиумы на обычных заседаниях, наглядная агитация вчерашнего образца, единые политдни, политзанятия, на которых повторяют то, что написано в газете. Удивительно ли что и школьная жизнь копировала это. Освобождаясь от груза прошлого, мы стараемся утешить себя тем, что не все же сразу. Но у школы времени меньше всего. Сегодня в школьном классе решаются судьбы дня завтрашнего. И это время нельзя упустить.

Е. БРУСКОВА.

„ИЗВЕСТИЯ“ 2 АПР 1988